

Соловьем усталым

Виктория Лукьянец завершила фестиваль "Золотые голоса мира в Москве"

Человек привыкает ко всему. А вокаломанам придется смириться с тем, что "Дикий Запад", принимая от нас певческие ресурсы свежими и полнокровными, лет эдак через пять возвращает их в иное состояние. Ничего не поделаешь — принцип конвейера. Запас же прочности современной русской вокальной школы таков, что на больший срок его хватает лишь избранным счастливицам. Впрочем, за эти самые пять лет "наши люди" успевают там столько, сколько здесь едва ли успеют за всю оставшуюся жизнь. Но, что бы ни было, мы их все равно любим — в любом состоянии.

"Золотые голоса" приезжали на фестиваль либо большими, как Бородин или Ларин, либо в весьма условной вокальной форме, как Горчакова или Раутио, однако прием публики в каждом отдельном случае был одинаково горячим. Не избежала сей чаши и наша сегодняшняя героиня. Подкашливала во время пения, подобно одной из своих героинь, но держалась стойко, боролась до конца. Не слишком многочисленная публика БЗК (то,

что Лукьянец лучше знают где-нибудь в Вене или Гамбурге, — истина, не требующая доказательств) отвечала приветливыми овациями и криками "браво".

В свои 30 с небольшим Лукьянец успела предельно много с точки зрения карьеры. В ее арсенале такие профессиональные вершины, как Зальцбургский фестиваль ("Травиата" с Риккардо Мути, "Дон Жуан"), Метрополитен-опера и Опера де Пари (везде — "Травиата"), Ла Скала ("Волшебная флейта" и "Золото Рейна" вновь с Мути), Ковент-Гарден ("Риголетто")... Пела с Паваротти (в неаполитанском Сан Карло в "Бале-маскараде") и под управлением дирижера Пласидо Доминго (Виолетта в Нью-Йорке, беллиниевская Эльвира в Вене) — надеется, что споет еще. Она солистка интернациональной труппы Венской Штаатсопер, где за рекордно короткий срок (сезон или два) проделала путь от Цветочных дев в "Парсифале" и Пажа в "Дон Карлосе" к высотам романтического бельканто. Второй Груберовой, похоже, не стала, но в очередь с

ней пела и в "Пуританах", и в "Линде ди Шамуни". Конвейер крутится вовсю. Show must go on.

И дай Бог. Но отчего так напряженно и устало звучал знакомый голос в московском рецитале, особенно в "зарубежной" его части? Отчего померк феерический блеск колоратурного брио, отчего не хватало дыхания, а верхние ноты брались с "подъездами" ценой запрокидывания головы назад и других героических усилий? Отчего этот голос не смог качественно справиться с вокальным инструментализмом Моцарта в мотете Exsultate, jubilate и в арии Et incarnatus est из до-минорной мессы? Отчего так фальшиво, на переделе физических сил прозвучала хрестоматийная каватина Линды из оперы Доницетти? Отчего каватина Норины из "Дона Паскуале" и куплеты Марии из "Дочери полка", несмотря на утроенную порцию внешней бравады, в устах певицы никак не хотели становиться легким в своей непринужденности праздником бельканто? И все-таки Виктория на то и виктория, чтобы побеждать. Есть в

ее лучезарной улыбке, в ее сценической раскованности некий магнетизм, который и позволяет артистке крепко держать зал в своих руках. Если публике этого достаточно, то это уже победа.

Второе отделение, в котором строгий черный наряд был заменен на серебристо-белоснежный, заставляло забыть о первом. Славянская кантиленность "Руслана и Людмилы", "Царской невесты" и "Снегурочки" высветила достоинства сегодняшней Лукьянец. В русском репертуаре наконец-то проступил сочный тембральный колорит, голос словно посвежел и очистился от неприятных для уха примесей. Не хотелось заикливаться на каких-то вокально-технических мелочах — можно было заслушаться. А то, что Лукьянец умеет петь душой, — это факт. Отдельное спасибо маэстро Николаю Алексееву, чье вокальное и ансамблевое чутье явилось натуральным сюрпризом для первопрестольной, которая, будем надеяться, еще услышит нового для себя дирижера в подобном качестве. Не секрет, что

оркестр вроде "Русской филармонии" может успешно сыграть сложнейший симфонический опус, но спасовать перед, казалось бы, элементарным оперным аккомпанементом. Алексеев сделал все возможное, чтобы не случилось последнее, хотя, конечно, он был не в силах заставить всех музыкантов до одного играть свои соло чисто. Тем не менее такая авральная и рискованная работа, как сопровождение концерта заезжей звезды, была выполнена на совесть.

Фестиваль "Золотые голоса мира в Москве" уже принадлежит истории. Ничего не изменить. Но почему он назывался именно так, а не иначе? Почему не "Русские голоса мира", к примеру, если в течение целого сезона мы слушали, за исключением Априле Милло, своих соотечественников? Ведь никто, даже далекий от музыки человек, не поверит, что в палитре красок мировой оперы преобладают исключительно выходцы из бывшего СССР. Вот в чем вопрос.

Андрей ХРИПИН

Культура. — 1998. — 8-14 окт. — с 13

Лукьянец Виктория

14.10.98